ЭВА

КОМНАТА БЕЗ ПАМЯТИ

«Прошлое возвращается не с криком.
А с тихим стуком в дверь...»

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ РОМАН

Эва

Комната Без Памяти

«Автор»
2026

Эва

Комната Без Памяти / Эва — «Автор», 2026

Некоторые тайны лучше оставить в прошлом. Но что, если прошлое не принадлежит тебе целиком?Жизнь продолжается. Дни сменяют друг друга, люди приходят и уходят, а воспоминания постепенно превращаются в нечто привычное в историю, которую мы рассказываем самим себе.Но иногда достаточно одной фотографии, одного имени или случайной детали, чтобы привычная реальность начала давать трещины.Героиня пытается разобраться в том, что не складывается в единую картину. Чужие слова противоречат воспоминаниям, знакомые события приобретают новый смысл, а вопросы, на которые, казалось бы, давно найдены ответы, возвращаются вновь.Чем глубже она погружается в прошлое, тем труднее понять, где заканчивается правда и начинается то, во что ей хочется верить.Ведь память хранит не только то, что произошло. Иногда она хранит то, с чем человек так и не смог столкнуться лицом к лицу.

© Эва, 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Цена мечты 6
Глава 2. Фотография 11
Глава 3. То, что осталось в памяти 17
Глава 4. Обычные дни 22
Глава 5. Имя 27
Конец ознакомительного фрагмента. 31

Эва
Комната Без Памяти

ЭВА

КОМНАТА
БЕЗ
ПАМЯТИ

„Прошлое возвращается не с криком.
А с тихим стуком в дверь…"

„Психологический роман"

Глава 1. Цена мечты

Утром больница выглядела совершенно иначе, чем вечером.

Ночью коридоры казались длиннее, свет в них — слишком белым, а каждый звук разносился по пустому пространству и возвращался глухим эхом. Утром же здание оживало почти мгновенно. Двери открывались и закрывались, в регистратуре уже собиралась очередь, где-то звонил телефон, медсестры торопливо переходили из одного отделения в другое, а возле автомата с кофе неизменно стояли несколько сонных врачей, которые еще не успели окончательно проснуться.

Она пришла раньше своей смены.

Так было почти всегда.

Ей нравилось несколько минут тишины перед началом рабочего дня. В это время больница еще не успевала поглотить человека целиком, и можно было хотя бы ненадолго почувствовать, что сегодняшний день принадлежит тебе.

Она сняла пальто, аккуратно повесила его в шкафчик и прошла по коридору. Несколько человек уже успели поздороваться с ней, кто-то улыбнулся, кто-то ограничился кивком. Она отвечала всем одинаково спокойно.

Со стороны могло показаться, что она совершенно не замечает окружающих.

На самом деле она замечала слишком много.

Замечала, кто сегодня пришел раньше обычного. Кто выглядит уставшим. Кто избегает чужого взгляда. Кто пытается казаться спокойным. Кто раздражен. Кто просто плохо спал.

Это не было профессиональной особенностью. Скорее привычкой, выработанной годами.

Она вообще привыкла наблюдать за людьми.

Когда-то эта привычка помогала ей понимать, в каком настроении находится человек, прежде чем тот успевал открыть рот. Позже она стала врачом и научилась смотреть на людей немного иначе: на цвет кожи, дыхание, движения рук, выражение лица, на то, как человек садится и как встает. Но где-то глубоко внутри сохранилось прежнее умение — замечать не только симптомы, но и то, что люди стараются скрыть.

— Ты опять пришла раньше меня.

Голос раздался за спиной.

Она обернулась и увидела Артёма.

Он работал в больнице уже несколько лет и был одним из немногих людей, с которыми она действительно могла позволить себе не контролировать каждое слово. Они познакомились еще в период ее практики, когда она была молодой студенткой и совершенно не представляла, что однажды будет спокойно проходить по этим же коридорам в качестве врача.

Артём посмотрел на нее, потом на часы.

— Ты вообще умеешь приходить вовремя, а не заранее?

— Умею.

— Тогда почему никогда не делаешь?

Она сняла с полки папку с документами и спокойно ответила:

— Потому что мне нравится приходить тогда, когда еще никто не успел меня раздражать.

Он усмехнулся.

— А я думал, ты просто трудоголик.

— Это тоже.

Он посмотрел на нее внимательнее. Внешне она почти не изменилась за последние годы. Те же спокойные движения, тот же прямой взгляд, та же привычка говорить так, будто любое утверждение уже прошло внутреннюю проверку и теперь не нуждается в дополнительных объяснениях.

Но Артём видел то, чего не замечали остальные.

Она уставала.

Просто никогда не показывала этого первой.

Иногда после особенно тяжелой смены он видел, как она на несколько секунд закрывала глаза, прежде чем войти в ординаторскую. Иногда замечал, что она сидит одна с остывшим кофе и смотрит куда-то в окно, хотя на самом деле ничего не видит.

Но стоило ей заметить чужой взгляд, как всё исчезало.

Спина выпрямлялась. Взгляд становился собранным. И перед ним снова была та самая девушка, которую многие считали практически неуязвимой.

Артём однажды спросил ее, зачем она так делает.

Она ответила, что не понимает вопроса.

Он объяснил.

— Ты никогда не позволяешь людям увидеть, что тебе тяжело.

Она пожала плечами.

— А зачем им это видеть?

Тогда он не нашел, что ответить.

В отделении ее любили не все.

Это было известно каждому.

Одни коллеги уважали ее за то, что она никогда не перекладывала ответственность на других. Если совершала ошибку, признавала ее сразу. Если не знала ответа, не пыталась изображать всезнающего врача. Если считала, что кто-то поступает неправильно, говорила об этом прямо, даже если перед ней был человек старше по должности.

Других это раздражало.

Особенно тех, кто привык к осторожным формулировкам.

Она могла сказать начальнику, что решение было ошибочным. Могла остановить коллегу посреди разговора и заметить, что тот пытается оправдать собственную халатность. Могла отказать пациенту, который требовал особого отношения, и не чувствовать после этого необходимости извиняться.

Ей часто говорили, что когда-нибудь такая прямолинейность создаст ей проблемы.

Она отвечала, что проблемы всё равно найдут человека, даже если он будет молчать.

Однажды молодая медсестра после разговора с ней вышла из кабинета раздраженной.

— Она вообще умеет говорить нормально? — спросила девушка у коллеги.

Та пожала плечами.

— Умеет.

— Тогда почему не говорит?

Коллега улыбнулась.

— Потому что ей нечего скрывать.

Медсестра покачала головой.

— Или потому что она думает, что всегда права.

На другом конце коридора она услышала последнюю фразу.

Остановилась.

Несколько секунд просто смотрела в сторону девушек.

А потом подошла.

— Я не всегда права, — спокойно сказала она.

Обе замолчали.

— Но если я ошибаюсь, мне лучше сказать об этом сразу. И вам советую делать то же самое.

Медсестра покраснела.

— Я не имела в виду...

— Я знаю, что не имела. Поэтому и подошла.

Она уже собиралась уйти, но остановилась.

— И еще кое-что. Если вы говорите обо мне за моей спиной, говорите громче. Мне неудобно делать вид, что я не слышу.

Она ушла прежде, чем кто-либо успел ответить.

Через минуту в коридоре раздался смех.

Она тоже улыбнулась, проходя дальше.

Так было почти всегда.

Люди либо привыкали к ней, либо нет.

Когда-то ее прямолинейность была совсем другой.

В детстве она была скорее молчаливой.

Она не спорила со взрослыми. Не задавала лишних вопросов. Не рассказывала о том, что ее беспокоит. Если ей было больно, она старалась переждать.

Возможно, именно поэтому никто не заметил, когда она впервые решила изменить себя.

Это произошло не в один день.

Не было какого-то красивого момента, после которого она вдруг стала сильной.

Все происходило медленно.

Сначала она научилась отвечать.

Потом — не оправдываться.

Потом — уходить от людей, рядом с которыми ей было плохо.

И только спустя годы поняла, что самым сложным оказалось не научиться защищать себя.

Самым сложным оказалось перестать чувствовать вину за то, что она это делает.

В университете ей тоже было непросто.

Первые годы она почти никому не рассказывала, сколько сил ей стоило оставаться там.

Для окружающих всё выглядело просто: поступила, училась, сдала экзамены, получила диплом, устроилась в больницу.

Четыре предложения.

Четыре предложения, которыми можно было описать годы ее жизни.

Только ни одно из них не рассказывало о бессонных ночах, когда она сидела над учебниками и пыталась заставить себя прочитать еще одну страницу. Не рассказывало о днях, когда она приходила на занятия совершенно без сил, но всё равно открывала тетрадь. Не рассказывало о том, сколько раз ей хотелось отказаться от всего, потому что казалось, что остальные справляются легче.

Она никогда не считала себя самым талантливым человеком в группе.

Но у нее было другое качество.

Если она чего-то хотела, она могла идти к этому дольше, чем большинство людей.

Она могла уставать, злиться, сомневаться, плакать в одиночестве, ненавидеть себя за слабость — и всё равно на следующий день снова открывать учебник.

Иногда именно это и отличает человека, который добивается своего, от человека, который только мечтает.

Не отсутствие слабости.

Способность продолжать несмотря на нее.

В тот день после утреннего обхода она вернулась в кабинет и увидела на столе небольшой конверт.

Обычный белый конверт.

Без имени.

Без обратного адреса.

Она остановилась перед ним.

Несколько секунд просто смотрела.

Потом взяла его двумя пальцами и перевернула.

Пусто.

Артём, проходивший мимо двери, заметил выражение ее лица.

— Что там?

— Не знаю.

— Письмо?

— Похоже.

— Может, от поклонника.

Она посмотрела на него.

— Тогда ему стоило выбрать другой способ познакомиться.

Он рассмеялся и ушел.

Она дождалась, пока шаги стихнут в коридоре, и только тогда открыла конверт.

Внутри была фотография.

Старая.

На ней стояла группа молодых людей.

Она узнала место почти сразу.

Университет.

Но фотография была сделана задолго до того, как она поступила.

На обратной стороне было написано несколько слов.

«Ты действительно думала, что всё осталось там?»

Она перечитала фразу дважды.

Потом перевернула фотографию еще раз.

Теперь она смотрела уже не на изображение.

Она искала человека.

И нашла.

В дальнем конце группы стоял мужчина.

Молодой.

Почти мальчишка.

Он смотрел прямо в объектив.

Она не знала его имени.

Но лицо показалось ей знакомым.

Слишком знакомым.

В тот же момент, в нескольких километрах от больницы, мужчина сидел в машине и смотрел на экран телефона.

Фотография, которую он только что отправил, была первой.

Он не собирался торопиться.

За последние годы он научился терпению.

На пассажирском сиденье лежала папка.

Внутри были десятки документов, старые фотографии, несколько распечатанных страниц и одна медицинская карта.

Он провел пальцами по краю папки, затем закрыл ее.

— Посмотрим, насколько ты действительно всё забыла, — произнес он тихо.

После этого он завел двигатель и уехал.

Он знал о ней гораздо больше, чем она могла представить.

Знал, где она училась.

Знал, когда получила диплом.

Знал, где работает.

Знал, какие смены обычно берет.

Знал даже то, что она всегда приходит на работу раньше.

Но самое главное — он знал то, чего не знали даже многие из тех, кто называл ее близким человеком.

Он знал, почему она стала такой.

И именно поэтому не собирался позволить ей спокойно жить дальше.

Вечером она долго не могла заснуть.

Фотография лежала на столе.

Она несколько раз брала ее в руки, увеличивала отдельные лица на телефоне, пыталась вспомнить хотя бы что-то.

Ничего.

Но чем дольше она смотрела, тем сильнее становилось ощущение, что память прячется где-то совсем рядом.

Она закрыла глаза.

На секунду перед ней возник коридор.

Не больницы.

Другой.

Старый.

Темный.

Она услышала чей-то голос.

Мужской.

Кто-то что-то говорил.

Потом — резкий звук закрывающейся двери.

Она открыла глаза.

В комнате снова было тихо.

Телевизор работал, но она не слушала.

Сердце билось быстрее обычного.

Она встала, подошла к окну и посмотрела на улицу.

Внизу проходили люди.

Обычная жизнь продолжалась.

Машины ехали по дороге.

Кто-то смеялся.

Кто-то разговаривал по телефону.

Никто из них не знал, что несколько лет назад одна девушка решила построить себе совершенно другую жизнь.

И почти добилась этого.

Почти.

Потому что прошлое не исчезает только потому, что человек перестал о нем говорить.

Иногда оно просто ждет.

И когда возвращается, приходит не с криком.

А с тихим стуком в дверь.

Глава 2. Фотография

Утро началось так, будто ничего не произошло.

Именно это раздражало её больше всего.

Город жил своей обычной жизнью. Люди торопились на работу, возле больницы толпились пациенты, кто-то ругался по телефону, кто-то пил кофе на ходу, а кто-то уже с самого утра выглядел так, будто ненавидит весь окружающий мир. В коридорах больницы пахло привычной смесью антисептика, кофе и чем-то металлическим, что невозможно было объяснить человеку, никогда не проводившему здесь достаточно времени.

Она пришла раньше обычного.

Не потому, что было много работы.

Просто дома она больше не могла оставаться.

Ночь почти не принесла сна. Несколько раз она просыпалась от ощущения, что кто-то стоит в коридоре квартиры. Каждый раз включала свет, смотрела на закрытую дверь, прислушивалась и только потом убеждала себя, что это было воображение.

Она давно знала одну неприятную вещь: если человек однажды научился бояться, ему уже не нужно объяснять, чего именно.

Страх сам найдёт причину.

На работе было легче.

Здесь всё имело объяснение.

Если пациент бледный — нужно искать причину. Если у человека дрожат руки — проверить давление, сахар, температуру, лекарства, состояние. Если кто-то ведёт себя странно — не нужно сразу придумывать историю, нужно наблюдать.

В больнице хаос почти всегда можно было разложить на причины и следствия.

Почти.

Она положила сумку в шкафчик, сняла пальто и несколько секунд просто стояла, глядя на своё отражение в маленьком зеркале.

Уставшее лицо.

Тёмные круги под глазами.

Волосы, собранные наспех.

Ничего необычного.

— Прекрасно, — тихо сказала она своему отражению. — Выглядишь так, будто тебя уже похоронили, а ты почему-то ещё работаешь.

Она усмехнулась.

Это была привычка — шутить над собой в те моменты, когда становилось слишком тяжело.

Только сегодня шутка не помогла.

В кармане лежал телефон.

Она достала его и открыла галерею.

Фотография.

Старая, выцветшая, с неровными краями.

Группа студентов перед университетским корпусом.

Она увеличила изображение.

Сначала посмотрела на себя.

Молодая.

Слишком молодая.

На фотографии у неё было то выражение лица, которого она почти не помнила: открытое, немного растерянное, почти доверчивое.

Она задержала взгляд на собственных глазах.

Потом перевела его на остальных.

Девушка слева.

Парень в центре.

Ещё две девушки.

Ещё один молодой человек, стоящий чуть позади остальных.

Вот он.

Она снова увеличила фотографию.

Лицо расплывалось от плохого качества снимка, но что-то в нём продолжало цеплять.

Не внешность.

Ощущение.

Будто она уже видела эти глаза.

Но где?

Она провела пальцем по экрану, увеличивая изображение ещё сильнее.

В этот момент дверь кабинета открылась.

— Ты с утра уже разговариваешь с телефоном?

Она быстро заблокировала экран.

Артём.

Он вошёл с двумя стаканами кофе, поставил один перед ней и посмотрел на неё внимательнее, чем обычно.

— Спасибо.

— Не за что.

Он не уходил.

— Ты спала?

— Конечно.

— Врёшь.

Она подняла на него глаза.

— Ты задаёшь слишком много вопросов для человека, который принёс мне кофе.

— А ты слишком много врёшь для человека, который считает себя очень убедительным.

Несколько секунд они смотрели друг на друга.

С Артёмом было сложно.

Он знал её достаточно давно, чтобы замечать то, что другие не видели.

Не слова.

Паузы.

Она могла улыбаться и одновременно сжимать пальцы так сильно, что ногти оставляли следы на ладони. Могла спокойно объяснять пациенту диагноз, хотя внутри была на грани. Могла сказать «всё нормально» таким тоном, что любой другой поверил бы.

Артём — нет.

Он видел её слишком долго.

— Что случилось? — спросил он уже тише.

— Ничего.

— Это опять оно?

Она не ответила.

Он понял.

Вчерашний конверт лежал в её сумке.

Она не показывала его никому.

Даже ему.

И Артём не стал давить.

Он знал: если она захочет рассказать, расскажет сама.

Если нет — любые вопросы только заставят её закрыться.

— Ладно, — сказал он. — Но если понадобится помощь...

— Я знаю.

— Нет. Ты не знаешь.

Она посмотрела на него.

Артём редко говорил серьёзно. Поэтому, когда говорил, стоило слушать.

— Ты привыкла всё делать сама. Это не всегда признак силы.

Она ничего не ответила.

Он вышел.

А она снова достала телефон.

На этот раз увеличила фотографию не себя.

Молодого человека.

Несколько секунд смотрела на него, потом открыла контакты.

Палец завис над экраном.

Она нашла старую фамилию.

Фамилию человека, которого не вспоминала несколько лет.

В другом конце города мужчина сидел в машине.

Двигатель был выключен.

На пассажирском сиденье лежала папка.

Он не торопился.

Внутри были фотографии.

Некоторые старые, некоторые совсем недавние.

На одной она выходила из больницы.

На другой стояла возле окна своей квартиры.

На третьей сидела в кафе.

Он перелистывал их медленно, почти без интереса, словно рассматривал давно знакомую коллекцию.

Потом остановился на фотографии из университета.

Той самой.

На обратной стороне было написано несколько слов.

Он провёл пальцем по надписи.

— Ты всё-таки сохранила её, — сказал он тихо.

В папке лежал ещё один документ.

Старый.

Сложенный пополам.

На первой странице стояла дата, которая давно перестала что-либо значить для большинства людей.

Для него — нет.

Он закрыл папку.

Телефон в его руке загорелся.

Новое сообщение.

Он прочитал его и улыбнулся.

— Значит, начала искать.

Она не позвонила.

Передумала.

Вместо этого открыла старый чат.

Последнее сообщение было отправлено несколько лет назад.

Она долго смотрела на имя собеседника.

Потом написала:
«Привет. Ты помнишь нашу группу?»
Ответ пришёл почти сразу.
«Конечно.»
Она несколько секунд ничего не писала.
«На фотографии есть один человек. Ты помнишь его?»
Ответа не было.
Минута.
Две.
Пять.
Она уже решила убрать телефон, когда экран снова загорелся.
«Почему ты спрашиваешь?»
Она почувствовала неприятный холод в груди.
Напечатала:
«Нашла старую фотографию.»
Ответ:
«Не трогай это.»
Она перечитала сообщение.
Один раз.
Второй.
Третий.
Потом набрала:
«Что именно?»
Ответа не последовало.
Она позвонила.
Телефон на другом конце сначала звонил.
Потом вызов сбросили.
Она сидела неподвижно.
Впервые за много лет прошлое не просто напомнило о себе.
Оно ответило.
В тот день она работала почти без остановки.
Приём, документы, звонки, пациенты, короткие разговоры в коридорах. Всё происходило привычно, и только она сама чувствовала, насколько сильно изменилась её концентрация.
Несколько раз она ловила себя на том, что смотрит на людей дольше обычного.
Не потому, что подозревала их.
Просто теперь ей казалось, что за каждым знакомым лицом может скрываться что-то, чего она не знает.
Вечером Артём заметил, что она снова задержалась в кабинете.
— Ты домой не собираешься?
— Собираюсь.
— Когда?
— Когда закончу.
Он посмотрел на часы.
— Ты закончила двадцать минут назад.
Она подняла голову.
— Тогда уже почти дома.
Артём усмехнулся.
— Ты понимаешь, что это звучит как начало плохой истории?
Она тоже улыбнулась.

Но улыбка быстро исчезла.

— Артём.

— Да?

Она хотела рассказать.

Про фотографию.

Про сообщение.

Про человека, которого она не могла вспомнить.

Но в последний момент остановилась.

— Ничего.

Он кивнул.

— Хорошо.

И вышел.

На этот раз она осталась одна.

Открыла сумку.

Достала фотографию.

Положила её на стол.

Долго смотрела.

Потом заметила то, чего не замечала раньше.

На заднем плане, за группой студентов, виднелась дверь старого университетского корпуса.

На двери была табличка.

Номер кабинета.

Она приблизила фотографию.

Ещё сильнее.

И вдруг узнала место.

Не кабинет.

Коридор.

Тот самый.

Тёмный.

Узкий.

С неприятным жёлтым светом.

Тот, который ей снился прошлой ночью.

Она медленно откинулась на спинку стула.

В памяти всплыл голос.

Мужской.

Спокойный.

Совсем рядом.

«Ты никому не расскажешь».

Она закрыла глаза.

Следующая фраза пришла вместе с запахом старой краски и холодного металлического поручня.

«Потому что тебе всё равно никто не поверит».

Она резко открыла глаза.

Фотография всё ещё лежала перед ней.

И впервые за много лет она поняла: она не забыла тот вечер.

Она просто научилась жить так, будто его никогда не было.

В этот же момент в квартире напротив окна, из которого открывался вид на её дом, мужчина выключил свет.

Он больше не смотрел на фотографию.

Теперь ему нужна была другая.
Та, которую он хранил отдельно от остальных.
На ней были только двое.
Молодая девушка и молодой мужчина.
Они стояли рядом.
Слишком близко.
На обратной стороне фотографии было написано:
«После этого всё изменилось».
Он положил фотографию обратно в конверт.
Потом достал телефон.
Пальцы медленно набрали сообщение.
«Ты уже вспомнила коридор?»
Он посмотрел на экран несколько секунд.
И отправил.
Телефон завибрировал у неё в руке.
Она прочитала сообщение.
И впервые за всё время не почувствовала страха.
Она почувствовала злость.
Настоящую, холодную, почти спокойную.
— Хорошо, — сказала она пустой комнате. — Значит, ты хочешь, чтобы я вспомнила.
Она поднялась со стула.
— Вспомню.
На этот раз она не собиралась убегать от прошлого.
Она собиралась найти его первой.

Глава 3. То, что осталось в памяти

Она не поехала домой сразу.

После сообщения на телефоне было странно возвращаться в обычную жизнь, будто ничего не случилось. Она вышла из больницы уже почти вечером, когда окна соседних зданий начали отражать холодный серый свет, а на парковке постепенно становилось меньше машин.

Обычно она любила это время. После рабочего дня город немного замедлялся, люди становились менее раздражёнными, а больница за её спиной казалась чем-то отдельным от остального мира.

Сегодня всё было иначе.

Она села в машину, но двигатель не включила.

Телефон лежал на пассажирском сиденье.

На экране всё ещё было последнее сообщение:

«Ты уже вспомнила коридор?»

Она перечитала его ещё раз.

Потом заблокировала экран.

— Нет, — сказала она вслух.

В машине было тихо.

— Я не вспомнила.

Она сама не знала, кому это сказала.

Наверное, человеку, который находился за экраном.

А может быть, себе.

Она включила двигатель и поехала.

В тот вечер она впервые за много лет открыла старую коробку.

Она хранилась на верхней полке шкафа, за зимними вещами. Большинство вещей оттуда она не доставала годами. Когда-то собиралась всё выбросить, но каждый раз откладывала.

Старая привычка.

Она не была сентиментальным человеком.

По крайней мере, так ей хотелось думать.

В коробке лежали студенческий билет, несколько фотографий, старые конспекты, ручка, которая давно перестала писать, и тонкая тетрадь с обложкой, потёртой по краям.

Она села на пол прямо перед шкафом.

На несколько минут просто смотрела на вещи.

Странно.

Когда-то они были частью её жизни.

Теперь выглядели так, будто принадлежали совершенно другой девушке.

Она взяла фотографию.

Ту самую.

Группа студентов возле старого корпуса.

Пальцы сами нашли фигуру молодого человека.

Она долго смотрела на него.

На этот раз воспоминание пришло почти сразу.

Не лицо.

Голос.

— Ты опять всё усложняешь.

Она замерла.

Потом закрыла глаза.

Перед ней возник тот самый коридор.
Только теперь он был немного другим.
Она видела себя моложе.
В руках — папка.
Кто-то спорил в конце коридора.
Дверь кабинета была открыта.
Она помнила мужчину.
Не того, кто сейчас отправлял ей сообщения.
Другого.
Того, кто стоял у двери.
Она попыталась вспомнить его лицо.
Не получилось.
Зато вспомнилось другое.
Кто-то сказал:
— Не заходи.
Она открыла глаза.
Сердце билось быстрее.
Она посмотрела на фотографию.
— Кто ты?
Конечно, фотография не ответила.
Она перевернула её.
На обратной стороне была дата.
И ещё одна короткая надпись, сделанная чужой рукой.
«После этого всё закончилось».
Она нахмурилась.
Этой надписи раньше не было.
Или она просто её не замечала?
Она взяла фотографию ближе к свету.
Почерк был знакомым.
Очень знакомым.
Она перебрала в памяти десятки людей.
И вдруг вспомнила.
Тетрадь.
Она быстро открыла её.
Первые страницы были заполнены конспектами.
Дальше — заметки.
Даты.
Фамилии.
Какие-то бессмысленные для сегодняшнего дня записи.
Она перелистывала страницы одну за другой, пока не остановилась.
Одна страница была вырвана.
Не аккуратно.
Её буквально выдрали из середины тетради.
Остался только кусок бумаги возле переплёта.
Она провела по нему пальцем.
Кто-то очень не хотел, чтобы эта запись осталась.
Но почему?
Она продолжила листать.
Через несколько страниц обнаружила дату.

Ту самую.
День, который она почти никогда не вспоминала.
Под датой было всего две строки.
«Сегодня всё произошло.

Он умер.»
Она застыла.
Несколько секунд смотрела на собственный почерк.
Это писала она.
Она была уверена.
И вдруг в голове появилась странная мысль.
Если она сама написала эти слова, значит, она действительно знала, что он умер.
Но откуда?
Она не видела его смерти.
Она это знала.
Память была слишком чёткой.
Она помнила коридор.
Помнила людей.
Помнила шум.
Помнила, как кто-то сказал, что всё кончено.
Но самого момента смерти не было.
Ни одного воспоминания.
Только уверенность.
Она снова посмотрела на фотографию.
Молодой мужчина смотрел в камеру.
Живой.
Улыбающийся.
Не похожий на человека, которого через несколько часов должны были потерять.
И тогда она впервые позволила себе задать вопрос, который раньше казался невозможным:
А если он вообще не умер?
В это же время Артём сидел в пустом кабинете больницы.
Он задержался после смены.
Не потому, что была работа.
Он просто не хотел ехать домой.
Перед ним лежал телефон.
Он открыл переписку с ней.
Последнее сообщение от неё было несколько часов назад:
«Спасибо за кофе».
Обычное сообщение.
Ничего подозрительного.
Но Артём слишком хорошо её знал.
Когда она благодарила человека за кофе вместо того, чтобы сказать что-нибудь вроде «оставь меня в покое», это обычно означало, что у неё в голове происходило что-то серьёзное.
Он положил телефон.
Вспомнил вчерашний конверт.
И фотографию, которую видел всего несколько секунд.
Он не знал, что именно было на ней.
Но одного взгляда оказалось достаточно.

Артём узнал человека.
Именно поэтому он ничего не спросил.
Пока.
Он открыл ящик стола.
Достал старую папку.
Положил перед собой.
На папке не было имени.
Только дата.
Та же дата, которую сегодня снова вспоминала она.
Артём несколько секунд смотрел на неё, затем убрал папку обратно.
— Не сейчас, — тихо сказал он.
Но в его голосе не было уверенности.
На следующий день она пришла в больницу раньше всех.
Артём уже был там.
Когда она вошла, он сразу понял, что ночь она провела без сна.
— Ты что-то нашла?
Она остановилась.
— Почему ты так решил?
— Потому что ты смотришь на меня так, будто уже знаешь, что я буду врать.
Она усмехнулась.
— Ты будешь?
— Зависит от вопроса.
Она подошла к его столу.
Несколько секунд молчала.
— Ты знал его?
Артём не ответил.
И этого оказалось достаточно.
Она медленно села напротив.
— Значит, знал.
— Знал.
— Где он сейчас?
Артём посмотрел на неё.
В его лице впервые за много лет появилось что-то похожее на страх.
Не за себя.
За неё.
— Ты уверена, что хочешь это знать?
Она ответила сразу:
— Нет.
Потом посмотрела ему прямо в глаза.
— Но мне нужно.
Артём отвёл взгляд.
За окном начинался новый день.

Люди шли по коридору, открывались двери, кто-то смеялся, кто-то разговаривал по телефону. Больница продолжала жить своей обычной жизнью.

А внутри маленького кабинета двое людей стояли на границе прошлого, которое оба слишком долго старались не вспоминать.

— Он не умер, — сказал Артём наконец.
Она не сразу поняла смысл этих слов.
Хотя услышала их совершенно ясно.

Всё вокруг будто стало тише.

— Что?

— Он не умер в тот день.

Она смотрела на него, не моргая.

— Но я видела...

— Ты видела не его смерть.

— Мне сказали, что он умер.

— Да.

— Почему?

Артём молчал.

Она почувствовала, как внутри поднимается злость.

— Артём.

Он поднял на неё глаза.

— Потому что тогда все думали, что так будет лучше.

Она нахмурилась.

— Для кого?

Он не ответил.

И именно тогда у неё впервые возникло ощущение, что всё это время она пыталась вспомнить не событие.

Она пыталась вспомнить **ложь, которую когда-то приняли за правду**.

Через несколько часов она получила новое сообщение.

Не фотографию.

Не угрозу.

Всего три слова:

«Ты готова встретиться?»

Номер был неизвестным.

Она посмотрела на экран.

Потом напечатала:

«С кем?»

Ответ пришёл почти сразу.

«С ним.»

Следующее сообщение появилось через несколько секунд.

«С человеком, которого ты похоронила в своей памяти двадцать лет назад.»

Она долго смотрела на экран.

А затем увидела адрес.

Место встречи находилось в нескольких километрах от больницы.

Она знала этот адрес.

И от этого впервые за много лет ей стало по-настоящему холодно.

Потому что это было место, куда она когда-то приходила вместе с ним.

И место, которое она была уверена, что больше никогда не увидит.

Глава 4. Обычные дни

После того разговора прошло четыре дня.

За эти четыре дня не произошло ничего.

Ни одного сообщения. Ни одной фотографии. Ни звонка с неизвестного номера. Никто не появился у больницы, не оставил очередного конверта и не попытался снова напомнить о прошлом.

Сначала это раздражало её. Потом начало успокаивать.

На первый день она проверяла телефон чаще, чем хотела бы признаться. На второй стала оставлять его экраном вниз. На третий почти убедила себя, что всё закончилось. На четвёртый утром поймала себя на мысли, что вообще не вспоминала о фотографии последние несколько часов.

Это было странное чувство — словно кто-то постучал в дверь, заставил её открыть, а потом ушёл, ничего не сказав.

Жизнь постепенно вернулась к своему привычному ритму.

Утро начиналось одинаково. Душ, кофе, одежда, дорога на работу. Она никогда не любила долго собираться. Чем быстрее проходили первые часы дня, тем меньше времени оставалось на мысли, которые обычно приходили именно утром.

В больнице всё было ещё проще.

Здесь никто не интересовался её воспоминаниями.

Пациенту нужно было измерить давление. Другому — объяснить результаты обследования. Кто-то опять потерял документы. Кто-то забыл, зачем вообще пришёл на приём. В ординаторской спорили из-за температуры в помещении, потому что одному было жарко, а другому холодно.

Обычные вещи.

И она была им благодарна.

Иногда человеку не нужно, чтобы его спасали.

Иногда ему достаточно, чтобы его просто никто не трогал.

— Ты опять опоздал, — сказала она, когда Артём появился в дверях.

Он посмотрел на часы.

— На две минуты.

— На три.

— У меня другое время.

— Очень удобно.

Он поставил стакан кофе на её стол.

— Доброе утро.

— Теперь доброе.

Артём сел напротив.

Выглядел он хуже обычного. Под глазами тёмные круги, волосы были растрёпаны, а на рукаве халата маленькое пятно от кофе.

Она посмотрела на него внимательнее.

— Ты вообще спал?

— Немного.

— Это сколько?

— Часа четыре.

— Роскошно.

— Для врача — нормально.

— Для человека — нет.

Он усмехнулся, но ответил не сразу.

На несколько секунд в кабинете стало тихо.

— У тебя что-то случилось? — спросила она.

— Нет.

Ответ прозвучал слишком быстро.

Она слегка прищурилась.

— Уверен?

— Уверен.

Он отвёл взгляд и сделал глоток кофе.

Она больше ничего не спросила.

Но заметила, как он несколько раз машинально проверил телефон, лежавший экраном вниз.

В первый раз она не придала этому значения.

Во второй — тоже.

На третий запомнила.

В тот же день Артём несколько раз пытался дозвониться одному человеку.

Безрезультатно.

После третьего звонка он убрал телефон в карман и продолжил работать.

В больнице его знали как спокойного человека. Он редко повышал голос, почти никогда не участвовал в сплетнях и предпочитал держаться подальше от конфликтов.

Но была у него одна особенность, которую замечали только близкие: если Артём о чём-то беспокоился, он становился ещё спокойнее.

Слишком спокойным.

Он начинал говорить меньше.

Слушать больше.

И почти никогда не объяснял, что происходит.

В обеденный перерыв он вышел из здания и остановился возле служебного входа.

Позвонил снова.

На этот раз ему ответили.

— Где ты?

Несколько секунд он слушал.

— Нет. Я не об этом.

Пауза.

— Ты должен был сказать мне раньше.

Он посмотрел на окна больницы.

На одном из этажей стояла она.

Артём быстро отвернулся.

— Хорошо. Давай вечером.

Он закончил разговор и ещё некоторое время стоял неподвижно.

Потом вернулся внутрь.

Она ничего не знала об этом разговоре.

Для неё день продолжался как обычно.

Вечером она зашла в небольшой магазин возле дома, купила хлеб, молоко и что-то готовое на ужин. В очереди перед ней стояла женщина с ребёнком, который требовал шоколадку и совершенно не собирался принимать отказ.

Она неожиданно улыбнулась.

Раньше дети её раздражали.

Теперь — не всегда.

Иногда чужая обычная жизнь казалась ей почти роскошью.

Она пришла домой, переоделась, включила телевизор и поставила чайник.
Телевизор работал скорее для компании, чем ради программы.
Она не любила тишину.
Для неё тишина казалось слишком громкой.
Не знала точно, когда это началось. Просто однажды заметила, что в полной тишине начинает слишком много думать.
Поэтому дома всегда звучало что-нибудь.
Новости.
Музыка.
Фильм, который она уже видела.
Любой голос был лучше собственных мыслей.
Она сидела на кухне и листала телефон, когда увидела новое сообщение.
Не от неизвестного номера.
От Артёма.
«Ты завтра во сколько будешь?»
Она нахмурилась.
Напечатала:
«Как обычно. А что?»
Ответ пришёл не сразу.
«Ничего. Просто спросил.»
Она положила телефон.
Странно.
Но не настолько, чтобы придавать этому значение.
По крайней мере, тогда ей так казалось.

На следующий день Артём пришёл раньше неё.
Это случалось редко.
Когда она вошла в кабинет, он уже сидел за столом.
Перед ним лежала какая-то папка.
Он закрыл её почти сразу.
— Доброе утро, — сказал он.
— Ты сегодня решил удивлять?
— Бывает.
Она сняла пальто.
— Что там?
— Ничего.
— Очень содержательный ответ.
— Рабочие документы.
Она посмотрела на папку.
Обычная.
Старая.
На краю обложки было видно несколько цифр.
Она не успела их прочитать.
Артём положил папку в ящик.
Щёлкнул замком.
Она ничего не сказала.
Но запомнила.
День прошёл спокойно.
Настолько спокойно, что к вечеру она почти забыла об этом эпизоде.

Потом вспомнила.

Потом снова забыла.

Так прошло несколько дней.

Артём продолжал вести себя нормально. Иногда они вместе пили кофе, спорили о работе, обсуждали пациентов и ругались из-за мелочей.

Он снова опаздывал.

Она снова его за это ругала.

Он снова приносил ей кофе.

И постепенно их разговоры вернулись к обычным темам.

Однажды они даже спорили почти десять минут о совершенно бессмысленной вещи — какой фильм лучше смотреть вечером.

И именно такие моменты напоминали ей, почему она привыкла ему доверять.

С ним не нужно было всё время быть настороже.

По крайней мере, раньше.

У Артёма тоже была своя жизнь.

Вечером он заехал к матери.

Она жила одна и постоянно жаловалась, что он слишком редко приезжает.

— Ты похудел, — сказала она вместо приветствия.

— Не похудел.

— Похудел.

— Хорошо.

— Почему «хорошо»?

— Потому что спорить с тобой бесполезно.

Она поставила перед ним тарелку.

— Ешь.

Он улыбнулся.

На кухне пахло домашней едой и старым деревянным шкафом, который стоял здесь ещё с его детства.

Некоторое время они говорили о совершенно обычных вещах.

О соседях.

О ремонте.

О погоде.

О работе.

Мать рассказывала какую-то длинную историю про знакомую, которую он слушал вполуха.

А потом спросила:

— Ты ведь всё ещё работаешь с той девушкой?

Артём на секунду замолчал.

— С какой?

— Не притворяйся. Ты знаешь.

Он опустил глаза.

— Да.

— Вы давно знакомы?

— Давно.

— Она хорошая?

Он подумал.

— Сложная.

Мать усмехнулась.

— Значит, хорошая.

Он ничего не ответил.

Через несколько дней случилось то, чего она почти ждала.

Не сообщение.

Не фотография.

Просто случайность.

По телевизору шёл вечерний выпуск новостей.

Она готовила ужин и слушала вполуха, когда ведущий произнёс фамилию.

Она замерла.

Нож остановился в руке.

Фамилия была знакомой.

Настолько знакомой, что она сразу вспомнила старую фотографию.

Она подошла к телевизору.

На экране показывали интервью с человеком, которого она никогда прежде не видела.

Но фамилия...

Она выключила звук.

Записала её в телефон.

Потом несколько секунд просто стояла посреди кухни.

Ей хотелось открыть интернет и сразу всё проверить.

Но она не стала.

Почему-то решила, что лучше сделать это завтра.

Иногда мозгу нужно время, чтобы принять даже самый маленький кусочек информации.

В ту ночь ей снова приснился коридор.

На этот раз она стояла в нём не одна.

Кто-то находился впереди.

Она не видела лица.

Только спину.

Мужчина повернулся.

И прежде чем она успела рассмотреть его, во сне кто-то произнёс:

— Ты ведь помнишь?

Она проснулась.

Резко.

В комнате было темно.

Телевизор продолжал работать.

Она несколько секунд смотрела в потолок, пытаясь понять, где находится.

Потом потянулась за телефоном.

На экране было 03:17.

Никаких сообщений.

Она положила телефон обратно.

Закрыла глаза.

Но сон уже не отпускал.

Коридор.

Чужая спина.

Голос, которого она не могла вспомнить.

И ощущение, что между тем днём и сегодняшним существует какая-то связь, которую она пока не видит.

Она снова открыла глаза и посмотрела в темноту.

Где-то глубоко внутри появилось неприятное чувство: она забыла не всё.

Она просто пока не знала, что именно забыла.

Глава 5. Имя

Утром она всё-таки нашла ту фамилию.

Не сразу.

Сначала долго сидела на краю кровати, смотрела на телефон и пыталась понять, действительно ли хочет это сделать.

Ночью всё казалось важным.

Утром — почти глупым.

Она несколько раз открывала браузер и закрывала его, прежде чем наконец напечатала фамилию.

Появились десятки результатов.

Большинство ничего не значили.

Однофамильцы. Старые новости. Какие-то документы. Фотографии людей, которых она никогда не видела.

Она пролистывала страницу за страницей.

Потом остановилась.

На экране была фотография мужчины.

Ему было около тридцати пяти.

Она посмотрела на неё несколько секунд.

Ничего.

Ни узнавания.

Ни страха.

Ни того странного ощущения, которое появлялось при взгляде на старую фотографию из университета.

Просто незнакомый человек.

Она уже хотела закрыть страницу, когда заметила подпись.

Александр Воронов.

Имя.

Фамилия.

Она перечитала их ещё раз.

Внутри что-то едва заметно дрогнуло.

Не воспоминание.

Скорее ощущение, что это имя когда-то уже звучало рядом с ней.

Но где?

Она не знала.

В больницу она приехала почти вовремя.

Артём уже был на месте.

— Доброе утро, — сказал он.

— Утро.

Он посмотрел на неё.

— Ты не выспалась.

— Выспалась.

— Нет.

— Тогда зачем спрашиваешь?

— Для поддержания разговора.

Она усмехнулась.

— Получается плохо.

Он протянул ей кофе.

— Исправляюсь.
Она взяла стакан.
— Спасибо.
Несколько секунд они молчали.
Потом Артём спросил:
— Ты вчера опять поздно легла?
Она посмотрела на него.
— Почему ты решил?
— У тебя лицо человека, который спорил с интернетом до двух ночи.
Она улыбнулась.
— Почти угадал.
— Что искала?
Она на секунду задумалась.
— Ничего особенного.
Он кивнул.
Не стал расспрашивать.
И это почему-то показалось ей правильным.

В тот день было много работы.
Настолько много, что к обеду она почти забыла о вчерашнем поиске.
Пациенты сменяли друг друга.
Телефон постоянно звонил.
В ординаторской кто-то спорил о результатах анализа.
Кто-то ругался на компьютер, который снова завис.
Обычный день.
В какой-то момент она поймала себя на мысли, что именно этого ей и хотелось.
Чтобы жизнь снова состояла из вещей, которые можно решить.
Если пациенту плохо — нужно разобраться почему.
Если документ потерян — найти.
Если человек опоздал — отругать.
Если компьютер не работает — позвать того, кто умеет его чинить.
У каждой проблемы должна была быть причина.
И почти у каждой — решение.
Только прошлое почему-то не подчинялось этим правилам.
После обеда она снова вспомнила имя.
Александр Воронов.
Она открыла сохранённую страницу.
На фотографии мужчина смотрел куда-то в сторону, слегка улыбаясь.
Ничего необычного.
Но имя продолжало раздражать.
Она не понимала почему.
Она открыла другую фотографию.
Потом ещё одну.
Везде был один и тот же человек.
На одной фотографии он стоял рядом с группой людей.
На другой — возле какого-то здания.
Она увеличила снимок.
Здание показалось знакомым.
Не само здание.

Окно.
Лестница.
Она нахмурилась.
Потом закрыла фотографию.
Через минуту открыла снова.
Ничего.
Просто старое здание.
Она решила, что воображает.
Вечером Артём снова получил звонок.
На этот раз он ответил не сразу.
Телефон вибрировал на столе, пока он смотрел на экран.
Номер был ему знаком.
Он вздохнул и вышел в коридор.
— Да.
Несколько секунд слушал.
— Нет, сегодня не смогу.
Пауза.
— Я сказал, что не смогу.
Он провёл рукой по лицу.
— Завтра.
Ещё одна пауза.
— Нет. Я не забыл.
Он закончил разговор и некоторое время стоял возле окна.
В отражении стекла он выглядел уставшим.
Телефон снова завибрировал.
Сообщение от младшего брата:
«Ну пожалуйста. Мне очень нужно.»
Артём закрыл глаза.
Напечатал:
«Последний раз.»
Ответ пришёл почти сразу.
«Спасибо. Ты лучший.»
Он усмехнулся без радости.
Потом перевёл деньги.
И только после этого вернулся в кабинет.
Она в это время сидела дома.
На телевизоре шёл старый фильм.
Она почти не смотрела его.
На столе лежал телефон.
Рядом — лист бумаги.
На нём было написано:
Александр Воронов.
Ниже она добавила:
Кто он?
И ещё ниже:
Почему я его помню?
Она долго смотрела на эти два вопроса.
Потом зачеркнула второй.
Она не была уверена, что действительно его помнит.

Возможно, это была обычная ошибка памяти.

Человек увидел знакомую фамилию, мозг связал её с чем-то старым — и создал ощущение узнавания.

Она знала, что память не является точной записью прошлого.

Но знание этого не делало собственные воспоминания менее тревожными.

Она взяла ручку и написала ещё одну фразу:

Не делать выводов.

Поставила точку.

И впервые за несколько дней почувствовала себя немного спокойнее.

На следующий день ничего не произошло.

Именно поэтому день запомнился ей позже.

Она пришла на работу.

Выпила кофе.

Поругалась с Артёмом из-за того, что он опять оставил документы не там, где нужно.

В обед они вместе вышли на улицу.

Погода была пасмурной.

— Ты стала задумчивой, — сказал Артём.

— Я всегда такая.

— Нет.

— А какая я была раньше?

Он пожал плечами.

— Громче.

Она рассмеялась.

— Это комплимент?

— Наблюдение.

— Тогда спасибо.

Они немного постояли возле больницы.

Мимо проходили люди.

Кто-то разговаривал по телефону.

Кто-то торопился на автобус.

У кого-то звонил ребёнок.

Обычная улица.

Обычный день.

И на несколько минут ей действительно показалось, что всё это осталось далеко позади.

Что прошлое просто ошиблось дверью.

А потом она увидела человека на другой стороне улицы.

Он стоял неподвижно и смотрел прямо на неё.

Она не знала его.

По крайней мере, так ей показалось.

Машина проехала между ними.

Когда она скрылась, человека уже не было.

— Что? — спросил Артём.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.